

ИЗ КНИГИ "НЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ" (2005 г.)

* * *

*А что ты сберегла от голубых огней,
И золотистых кос, и розовых улыбок?*

И. Анненский

А что я сберегла от этих дней,
как меж страниц семейного альбома,
когда – кого на свете нет родней –
все жили под одною крышей дома?

Что сберегла от этого тепла
голландской печки, маминых ладоней,
от времени, не знающего зла,
и доброты, которой нет бездонней?

Растаял шарик в небе голубом...
Шагреновою кожей сердце сжалось.
Остался только маленький альбом,
а в нем тоска, раскаянье и жалость.

* * *

Мое коммунальное детство,
где кухня на двадцать семей,
где утро, несущее свет свой,
и в небо взлетающий змей,

прыгучий без усталости мячик,
дворовая дружба навек...
Куда же потом это прячет
усталый большой человек?

О ангелы, – крикну с тоскою, –
назад прокрутите кино!
Там что-то осталось такое,
Забытое мною давно...

Мне холодно. Хочется детства.
Какая блаженная бредь:
уткнуться, прижаться, согреться...
И тоже кого-то согреть.

* * *

Цветастое кресло, облезлый буфет
я не позабыла за давностью лет.
Кровать заменявший тяжелый сундук,
машинки отцовской полуночный стук.

Протаю в душе, продышу озерцо –
там мамы еще молодое лицо.
Я памяти печку стихами топлю,
чтоб жили там вечно, кого я люблю.

Засуну себя в огневое дупло –
и снова, как в детстве, мне будет тепло.

* * *

Мне стыдно это рифмовать.
В груди как жало – боль и жалость.
Еще хранит тепло кровать,
где ты беспомощно лежала.

Как ты мне силилась сказать
слова, что я не понимала...
Последний взгляд в твои глаза,
И поцелуй, и крик мой «мама!»

Ночами звать и тосковать,
как в лагере когда-то летом...
Мне стыдно это рифмовать.
Чудовищно – пером – об этом...

* * *

*Так я понял: ты дочь моя, а не мать,
Только надо крепче тебя обнять...*

Б. Рыжий

*Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.*

А. Блок

Девочка на доньшке тарелки.
Мама: «Ешь скорей, а то утонет!»
Ем захлеб, пока не станет мелко,
К девочке тяну свои ладони...

А теперь ты жалуешься, стонешь.
Обступили капельницы, грелки.
Я боюсь, боюсь, что ты утонешь
как та девочка на дне тарелки.

И, как суп тогда черпала ложкой,
я твои вычерпываю хвори.
Мама, потерпи еще немножко,
я спасу тебя из моря горя.

Ты теперь мне маленькая дочка.
Улыбнись, как девочка с тарелки...
В ту незабываемую ночь я
на часах остановила стрелки.

* * *

Не снимая, ношу твой халат,
словно так я к тебе буду ближе.
Мерных дней набегающих лад
никогда эту боль не залижет.

Ты – во всем, что я вижу вокруг.
В каждом звуке – щемящая нота,
в каждой вещи – тепло твоих рук,
след твоей неустанной заботы.

По утрам я спешу на балкон.
Там акация веточкой машет.
Я здороваюсь с нею тайком,
и не так уже день этот страшен.

Мама, я тебя слышу едва...
Что сказать ты в ту ночь мне хотела?
Я почти разобрала слова,
что листвою ты прошелестела.

* * *

Просила ты шампанского в тот день,
и это вовсе не было капризом, –
судьбе обрыдлой, вьевшейся беде
бросала ты последний дерзкий вызов.

Пила напиток праздных рандеву
через соломинку. Рука дрожала.
Соломинка держала на плаву,
но надломилась, но не удержала...

Шампанского я век бы не пила.
Как жить, тебе не нужной, бесполезной?
Ведь ты моей соломинкой была
над этой рот разинувшею бездной.

* * *

Никак не привыкну, никак не привыкну,
что больше к тебе никогда не приникну,

что больше твой голос уже не услышу.
Лишь ветер траву на могиле колыхет.

Уже никогда мне не вымолвить «мама»,
не быть самой лучшей и маленькой самой.
Мне утро не в радость, мне солнце не светит.
Впервые одна я осталась на свете.

* * *

Ну как же мне отнять тебя, оттаять?
Ну не могу я там тебя оставить!
Я лестницу воздушную сплету
из слов твоих, из снов моих и слез,
и ты ее поймаешь на лету.
Я это говорю почти всерьез.
По лестнице карабкаюсь я к Богу,
и, кажется, совсем еще немного...
Но в сторону относит ветер времени,
и тонешь ты опять в кромешной темени.

* * *

– Я маленькою видела тебя.
Какой был сон ужасный... Что он значит? –
Чуть свет звонит, мембрану теребя. –
Как ты, здорова ль, доченька? – И плачет.

Никто так не любил своих детей,
так слепо, безрассудно, так нелепо,
бездумно, без оглядки, без затей...
За что тебя мне ниспослало небо?

А мне все снится: набираю твой
я номер, чтоб сказать, что буду поздно,
мол, спи, не жди... А в трубке только вой
степного ветра, только холод звездный.

И просыпаюсь... Горло рвет тоска.
В ушах звучат твои немые речи.
Как от меня теперь ты далека.
Как долго ждать еще до нашей встречи.

* * *

С этим нежности грузом в груди тону,
мне не справиться с ним никак.
Стопудовая жалость идет ко дну
о двух вытянутых руках.

Покидая земной ненадежный кров,
я вливаюсь в речной поток,
осязая потусторонних миров
обжигающий холодок.

* * *

Карман Вселенной прохудится,
дыру во времени разъяв,
и я впорхну туда, как птица,
и прошлое вернется в явь.

Я проскользну в ушко иголки,
эпохи, вечности, судьбы,
прильнув щекой к твоей заколке.
Ах, если бы, ах, если бы...

* * *

Жизнь расколота, как льдина.
Стой и холодей.
Это непереводимо
на язык людей.

* * *

Я задыхаюсь в боли и вине.
Нет слов таких ни в русском, ни на идиш.
Настало утро, а тебя в нем нет,
пришла весна, а ты ее не видишь.

Кому теперь нужна я на земле?
Все, что любила, съедено могилой,
всю жизнь жила и нежилась в тепле,
и вот стою в степи пустой и стылой.

Я выучусь стареть и умирать.
Теперь уже мне ничего не страшно.
И помнит только старая тетрадь
про наш с тобой счастливый день вчерашний.

* * *

Как волны, беды прибывают.
Один белеет только парус.
У счастья паузы бывают,
у горя не бывает пауз.

* * *

Всё у бережливой Мнемозины*
на заметке, на карандаше.
Там, в её загробном магазине,
есть всё то, что надобно душе.

А быть может, нет вестей оттуда –
от тупой беспамятности лба?
Оттого, что мы не верим в чудо?
Амплитуда вечности слаба?

Не доходят письма гробовые,
по пути рассеиваясь в дым...
Оттого ль, что мёртвым мы, живые,
не нужны, как мёртвые – живым?

***Мнемозина – богиня памяти**

* * *

Я напрасно жду на остановке –
мой трамвай навек ушёл в депо.
А быть может, сдан на перековку...
С временем давно проигран спор.

Время чумовое, сумасшедшее...
Но оно живое, не прошедшее!

Памяти танталовые муки:
кажется, что руку протяну...
Видишь ли меня в волнах разлуки,
напряжёнno шарящей по дну?

Ищущей тебя, но не обрящей,
где ты прежний, тёплый, настоящий.

* * *

Я, как наледью, скована памятью...
И встаёт из глубин снеговых,
запорошенный пылью и заметью,
город мёртвых и город живых.

Здесь пространство и время распорото,
Ариаднина тянется вязь.
Меж реальным и призрачным городом
существует незримая связь.

Я кружу над своими утратами...
Мир единый распался на два.
Словно в оба кармана запряты
одного пиджака рукава.

Каждый смертный, коль любит и помнит он,
здесь отыщет родные сердца.
Жизнь и смерть – это смежные комнаты
одного ледяного дворца.

Все свободно тут перемещаются,
ведь для душ не бывает границ.
А туман всё плотнее сгущается,
растворив очертания птиц.

* * *

У декабря твои виски седые –
проигранные с временем бои.
А у небес – глаза немолодые,
похожие до боли на твои.

Не отыскать мне там тебя, как Герде...
Кого молить, как в сказке: "отдыши!"?
Никто не знает день грядущей смерти.
Я знаю смертный день своей души.

Он наступил, когда необратимо
ты растворился в тёмной глубине.
Твоя могила здесь конспиративна.
Тебя там нет. Ты погребён во мне.

А жизнь души осталась там, за кромкой
другого века, в дымке голубой,
и обернулась мукою негромкой,
воспоминаньем пестующей боль.

Она сейчас всего лишь оболочка,
как будто я сама себе лишь снюсь,
и жизнь – отсрочка, только проволочка
до той поры, пока соединюсь

с тобой. С самой собой. Не нужен повод
отныне, чтобы плакать в тишине.
И – сквозь ночей спускающийся полог
"Прощай, прощай и помни обо мне!"

* * *

Этот месяц, полный тьмы,
полный холода и горя,
где с тобой расстались мы,
тишины не переспоря...

Как живётся там тебе,
за седыми небесами,
в муке ль, радости, мольбе —
сны мои расскажут сами.

Так же там ты одинок ль,
как при жизни был со мною?
В перевёрнутый бинокль
вижу давнее, родное.

И, с тобою говоря,
вижу то ли явь, то ль сны я:
смерти мёртвые моря,
чёрный ход в миры иные...

Боль родства пронзит иглой,
но не сшить, как ни пыталась,
то, что разорвало мглой,
что, как связь времён, распалось.

Шрам от месяца кривой —
словно рана ножевая.
Не проходит ничего.
Ничего не заживает.

* * *

Память, закоулки обнажи.
Ты пришёл... В своё садишься кресло.
Просишь наточить тебе ножи.
Всё, как было. Всё опять воскресло.

Вот тебе я супу налила,
вот пирог разрежала на части...
Как же я тогда не поняла,
что вот это-то и было счастье!

Между нами пролегли века.
Ты остался навсегда в двадцатом,
в уголке гранитного бруска,
датами серебряными сжатым.

Хорошо наточены ножи.
Не заметишь – как уже в крови ты...
Ты не выжил. Я не в силах жить.
Счёт ноль-ноль. И мы с тобою квиты.

Я с тобою заживо живу,
призрак твой пою своею кровью.
И люблю во сне и наяву
самую бессмертную любовью.

* * *

Ты умирал на пике декабря.
Зачем мне Бог, не знавший милосердья?
И это сердце, бывшее зря,
раз не могла отнять тебя у смерти?

Часы спешили, учащая бег,
и обещая обновленье судеб.
А снег летел в грядущее, в тот век,
где нас с тобой вдвоём уже не будет.

Любить в прошедшем времени нельзя.
Как примириться с этою дырою,
в которую всё сыпется, скользя,
лишь только человек глаза откроет?!

Застыли стрелки в замкнутом кругу.
Как будто навсегда заледенели.
Я это помнить больше не могу,
блуждая здесь среди людей, теней ли.

Глазами звёзд глядишь над головой.
Стволы деревьев – как чей-то мёртвый остов.
И сквозь меня могильного травой
растут слова, пронизывая остро.

* * *

Как не хватает мне отца,
его фигуры и лица,
его выдавшей виды шляпы
и слова ласкового "папа".
Парки расплетается клубок.
Тычется комочек в левый бок.
Этой нити вечно виться, длиться.
Прежних дней струится вереница...
Снег, идущий миллионы лет,

миллионы раз мне скажет: "нет".
Тысячи безжизненных снежинок
мне напомнят тысячи ошибок,
что поправить нам уже нельзя.
Я иду по памяти, скользя.
Но сквозь лёд кромешной мерзлоты
вновь упрямо проступаешь ты,
как черты на мокром фотоснимке,
где с тобой лицом к лицу в обнимку.
Ты, облетевший календарь,
тем днём опять меня ударь,
когда лежал, объятый тьмой,
глухонемой, уже не мой...
Задую памяти свечу.
Я больше помнить не хочу!
Но опять встаёт свеченье дней,
где ты чем далече, тем родней...
И, сердце стиснувши в горсти,
хочу хоть что-нибудь спасти
из людоедской пасти времени
и унести с собой из темени.
Ты превратился в скрип дверной,
в стук веток, ветра вой ночной,
в звезды вечерней слабый свет,
в далёкий чей-то силуэт,
в скупую горсточку кутьи,
в свои заметки и статьи,
в волну на волжском берегу,
в сиротство, жалость и тоску...
Январь мне с каждым годом всё страшней.
А ты мне всё нужнее и нужней.
Известие о смерти лживо.
Ты жив. Всё помнится так живо.
Всё, что во мне тоскует и грустит
и что скорее жизнь мою скостит.
Я приду к тебе подземным ходом,
приплыву по Волге пароходом.
Подземный ход –
под зимний лёд,
под сотни дней,
замёрзших вод.
Вчерашний снег,
вчерашний день,
что зазвенит – едва задень,
и отзовется эхом вдаль
с ума сошедший календарь.

* * *

Настоящее – ненастоящее.
Только прошлое есть и есмь.
Не устану в себе выращивать
бесплезную эту песнь.

Где ты в этом пространстве голом?
Отразись хоть как, отзовись!
Этот век без тебя неполон.
Эта жизнь без тебя – не жизнь.

* * *

Опять между нами беседа ведётся немая.
Теперь ты навеки в моей растворился крови.
Ведь смерть ничего у нас, в сущности, не отнимает,
она сообщает лишь новую форму любви.

А равно и жизни... И слышу твой голос я снова,
срывая с души наложенные временем швы.
"Мне кажется, – Пушкин писал Александре Смирновой,
что мёртвые могут внушать свои мысли живым".

Не знаю, как выразить это понятно и точно...
Что смерть? Это просто привычное миру ЧП.
К тебе припадая, впадаю я в первоисточник.
Тебя навещая, я лишь возвращаюсь к себе.

Как поздно я выучилась любить

* * *

Как поздно я выучилась любить.
Не вылечиться, не умереть, не забыть.
И кто разрешит безбилетный проезд
в страну из руин и разверзшихся бездн?

Как ни затыкай эти дыры платком –
повсюду нездешним несёт холодком.
Устала писать я стихи в никуда,
которые ты не прочтёшь никогда.

Устала я кликать на том берегу
и каждое лыко ставить в строку.
Я так не могу. И не так не могу.
Беззвучен мой голос, и сердце в снегу.

* * *

*И горечь бытия, владеющую нами...
Гербрандт Бредеро, XVII век*

Бездомный мир за окнами пуржит.
Остекленевший взгляд домов напротив.
Как холодно без родственной души.
Бродяга-ветер за порогом бродит.

Никто не прилетит на лампы свет.
Привычно грудь сжимает боль тупая.
Я вырываюсь из контекста лет,
я болевой порог переступаю...

Как тайна, вдруг открытая душе,
в озноб бросает страшная разгадка.
Холодных звёзд рассыпано драже.
Беспомощно нема моя тетрадка.

* * *

То, что отцом и мамой
было – в глубокой мгле.
"Было" – одно из самых
страшных слов на земле.

Не даст утолить мне жажду
подземная эта стезя –
поток, в который не дважды –
однажды войти нельзя.

И хочется мне завйти
над чудищем вековым.
Из этой реки не выйти
не только сухим – живым.

Не так уж видно стара я,
что смерть меня не берёт.
Тоска без конца и края,
на тысячу лет вперёд.

* * *

*Вчера ещё в глаза глядел...
М.Цветаева
Глядит туда, где нету нас.
Л. Миллер*

Начинаю вживаться в смерть.
Отовсюду знаки и зовы.

Бог не хочет в глаза смотреть.
Нынче жаворонки все – совы.

Всё косится куда-то вбок.
Не пойму его тайных мыслей.
Всё лишь пробует на зубок,
словно кошка играет с мышью.

* * *

Приучила душу жить за окнами,
на ветру, на холоде, в степи,
скомканною, связанною, согнутою,
псом, сидящим в будке на цепи.

А она, больная, бесполезная,
рвётся прочь, измаявшись в плену,
и грызёт бессильно цепь железную,
и ночами воет на луну.

* * *

Только одно непреложно: тоска,
та, что изъедена снами.
Жизнь – это шахматная доска.
Кто-то играет нами.

Шах поражения, обиды, беды –
в чьей-то всевидящей воле.
Все наши путанные ходы –
только бегство от боли.

* * *

Хоть всё, что есть, поставь на кон,
все нити жизни свей,
но не перехитрить закон
тебе вовек, Орфей.

Деревьев-церберов конвой
не проведёт туда,
и профиль лунный восковой
в ответ ни нет, ни да.

Рассвет поднимет белый флаг
как знак, что всё, он пас,
чтоб тот, кто вечен и всеблаг,
не мучил больше нас.

* * *

Когда экзамен жизни жалкой
тебе держать уж силы нет –
швыряет смерть свою шпаргалку,
даря спасительный ответ.

* * *

*Нужно быть китайским болванчиком,
чтоб сейчас говорить не о смерти.*

В.Ходасевич

Жизнь – свободное время от смерти.
Пронестись ли в едином броске,
повседневной отдать круговерти
иль скормить свою душу тоске?

Вот и день наконец этот чёрный.
Что накоплено в сводах годов?
Лес опавший стоит обречённо,
и к разлуке, и к смерти готов.

Слёз уж нет, их проплакала осень,
и глаза небосвода сухи.
И, по правде сказать, так ли очень
вы нужны были, эти стихи?

Паутины холодной и склизкой
Ариаднина тянется нить.
Лист трепещет предсмертной запиской:
"Улетаю... Прошу не винить".

Ночь напялит колпак свой дурашный,
затрезвонит луны бубенец...
Вот и всё. Это вовсе не страшно.
Просто смерть умерла наконец.

* * *

За окошком ветра вой.
Мне опять не спится.
Бьется в окна головой
вяз-самоубийца.

Капли падают в тиши,
разлетясь на части,
но не так, как от души
бьют стекло на счастье.

Струи поднебесных вод –
острые, как спицы.
Сам себя пустил в расход
дождь-самоубийца.

Как струна, натянут нерв.
Лунный диск нецелен.
Обоюдоострый серп
на меня нацелен.

* * *

Душное, топкое слово "тоска"
мушкой тонко жужжит у виска.
Ряской болотной пахнуло во мгле.
Как я неплотно стою на земле.

* * *

В реанимации лежала,
не зная толком, почему,
какая хворь мне угрожала,
необъяснимая уму.

Братва больничная сбегалась
на крик мой дикий по ночам.
Заведующая ругалась,
а я не знала, что врачам

ответить... Разрастались сплетни.
Смотрели, как сквозь окуляр.
Дивились из палат соседних
на уникальный экземпляр.

Больница в стены мне стучала.
Никто не в силах был понять.
А то душа моя кричала,
и крик тот было не унять.

* * *

Больничной зимы негашёная известь
не выбелит – выжжет тебя добела.
О Боже, спаси мою душу и вызвездь!
Высокого света прошу, не тепла.

* * *

Настигает безумный амок.
Разрушается жизни замок.
И встаёт впереди загробье:
Зазеркалье, подтекст, подобье.

Я изранена чёрным роком.
Я украдена ненароком
той страной, где навеки выплусь.
Не живу, а лишь снюсь и числюсь.

* * *

Берёза, вяз, акация, каштан,
от чёрных бездн дарящие отсрочку...
Какой порядок был им Богом дан –
в таком порядке и сложились в строчку.

Деревья – заменители утрат.
Мне что-то в них мерещится живое.
Отец и мама, бабушка и брат
о чём-то тихо шепчут мне листвою.

И, наполняясь бредом или сном,
я возвращаюсь в прошлое, в начало...
Когда вы появились под окном?
Я раньше вас совсем не замечала.

Какой от вас целительный покой.
Балкон плащом укрыла тень густая.
И мне, чтобы достать до вас рукой,
всего лишь шага в бездну не хватает.

* * *

Упругие прутья – деревьев усердья.
В тот свет устремившиеся бессмертья.
Природы артерии, жилы, предсердья.
Спасенье. Везенье. Судьбы милосердье.

* * *

Ослабилось кладбище, рвы разевая.
Его убажает здесь нежность живая.
Холодную землю укроет венок –
и мёртвый уже не вполне одинок.

Пушистое, тёплое слово "Елшанка".
Измученных путников жизни лежанка.

Нас всё убывает, а их большинство,
и смерть здесь справляет своё торжество.

На мраморе белом – две чёрные даты.
"Спасибо, что был в моей жизни когда-то."
Здесь каждый хоть кем-то посмертно любим.
"Навеки с тобой". "Не забудем. Скорбим".

Моя бабка, донская казачка, красотка, гордячка,
из тюрьмы убежала в Саратов с другим уже мужем.
А мой дед крепко запил и умер от белой горячки
оттого, что ни ей и ни детям остался не нужен.

Лишь одна фотокарточка в доме моём уцелела:
бабка с длинной косой, дед – усатый и молодцеватый.
И другого я деда застать на земле не успела –
был расстрелян – как все, ни за что – в Сталинграде в тридцатых.

Вот такая моя неизвестная мне родословная –
не дворянская – бедная, нищая и уголовная.

От рожденья дано мне судьбой дорогое наследство:
дарованья, грехи и ошибки, хранимые в генах,
что пускали ростки незаметные с раннего детства
и отмщаются в жизни моей до седьмого колена.

Не грущу о своей родовой непричастности к знати,
о фамильных гербах – принадлежности князей из грязи,
а о том лишь жалею, что не довелось мне узнать их,
что оборваны нити родные и кровные связи.

Всё родство – из намёков, догадок, из снов одиночества
и из щепок, летевших над лесом, порубленным дочиста.

Мне город Шахты видится сквозь дни,
откуда родом пол моей родни,
где я сама ни разу не была.
Всё поглотила медленная мгла.
Писала письма бабушка куме:
"Купили холодильник мы к зиме."
Каракулей старательная вязь.
Звено в цепи... Вреён цепная связь
оборвалась под тяжестью потерь.
Как не хватает мне её теперь.

Далёкие золовки, кумовья,
моя необретённая семья!
Где та моя вода на киселе,
бывавшая всегда навеселе?
Я ваш Иван, не помнящий родства,
стеснявшийся смешного кумовства,
опомнившийся в диком шалаше,
тоскующий по родственной душе.
На редких фото – смутные черты,
знакомые мне профили и рты.
Где вы теперь? Повсюду и нигде.
Расходитесь кругами по воде...
Кисельные мне снятся берега,
неузнанные речки и луга.
Уносят вдаль два белые крыла
печаль по тем, кого не обрела.

* * *

Ждёшь Божьего ответа,
как быть нам тут, живым.
Но отвечает небо
молчаньем гробовым.

Сиреневые сумерки
окутывают лес.
"Мы живы, мы не умерли", –
мне слышится с небес.

* * *

Старые, беспомощные, мёртвые,
вы ко мне приходите во сне.
Лица ваши, в памяти не стёртые,
с каждым годом ближе и ясней.

В лунном свете, мягком и рассеянном,
а не в беспощадном свете дня,
вижу ваши я черты осенние,
греясь возле них, как у огня.

Только вы поймёте, как устала я
без родных и близких, без семьи.
Светят в небе зори запоздалые.
Милые вы, мёртвые мои.

Они ушли в глухую небыль.
И глаз их слеп, и рот их нем.

А надо мною только небо,
неумолимое ко всем.

Разгадывать звёздный ребус,
подслушивать Божий глас...
Мне кажется, что всё небо –
из чьих-то любимых глаз.

Отрада моя и растрava.
Я вся – лишь любви оправa.
Растрескавшаяся рама,
где вместо картины – рана.

Когда умру, куда я дену вас,
любимые, которых больше нету?
Останьтесь, схоронитесь про запас,
как за щекой серебряной монетой.

Я кровью и слезами вас пою
и кутаю в тепло воспоминаний.
И живы вы, пока о вас пою,
пока душа не скроется в тумане.

Как вам надёжно в памяти дворцах,
уютно в детской сладких сновидений.
Я об одном молила бы Творца:
– Когда пришлешь Ты и за мной гонца
оставь в живых возлюбленные тени.

Холодно, холодно жить на ветру.
Птаха лесная,
скоро ли, скоро ли тоже умру?
Скоро узнаю.

Моя душа распята, проклята –
сплошная ахиллесова пята.
Но вновь назад к самой себе тянусь.
Окаменею, коль не обернусь.

Я в прошлое, как в шахту, опущусь.
Я из него уже не возвращусь.

Невозвращенкой среди вас живу.
Но только это держит на плаву.

* * *

Пусть этот ад ночной тоски
со мной до гробовой доски.
Я не отдам свой ад родной
за холод крыльев за спиной.

Мне хорошо в моём аду,
в моём горячечном бреде.
Я кровью жил своих кормлю
там тех, кого навек люблю.

Всё то, что мучает и жжёт,
и этим душу бережёт –
тупым бесчувственным годам
я не отдам, я не отдам.

* * *

Страдаю, мучусь – не играю,
и жалуюсь, и слёзы лью.
Я не живу, а умираю,
спасая этим жизнь свою.

* * *

Насытился, Господь? Теперь доволен?
Ты получил сполна, чего хотел,
напоминая звоном колоколен
о душах милых, отнятых у тел.

Глазами мёртвых небосвод унизан.
Лишь подойдёт вечерняя пора –
и вновь кому-то приговор подписан
небрежным звёздным росчерком пера.

Всевышний души в невод неба ловит.
Ужасный рок вовек необорим.
Не знать, не знать, что нам ещё готовит
грядущий день, не ведать, что творим...

* * *

Тень Офелии храня,
по волнам плывёт веночек,
за собою вдаль маня...
На часах двенадцать дня.
На душе двенадцать ночи.

Лунный скальпель взрежет ночь,
Млечный путь звездами брызнет.
Но уже нельзя помочь –
как ни мучь и ни морочь –
этой обречённой жизни.

Неподвижен лунный зрак.
Небо вызвездилось колко.
За окном густеет мрак.
До свиданья, друг и враг.
Расстаёмся ненадолго.

* * *

*Гори полоской той зари,
вокруг которой всё застыло.*

И. Анненский

Восхода нищая полоска
на телесах ночных небес.
На фоне мертвенного воска
она горит грешно и броско,
как будто шил её сам бес.

Земля забыта и заклета,
над ней пропета лития.
Но как надежда или плата –
заката яркая заплата
на рваной ране бытия.

Я – спутница беспутная твоя

* * *

Всё перепуталось, и сладко повторять...

О. Мандельштам

Я – спутница беспутная твоя,
путана для семейного житья.
Я – путаница слов своих и слёз,
и всех твоих морщинок и волос.

То под ногами, то в твоих руках
я путаюсь, в пространстве и веках
и в хаосе вселенской темноты
я путаю порой, где я, где ты.

Не знают и великие умы,
где я и ты переплетётся в мы,
связавши в узел наше естество,
так что лишь смерть распутает его.

Весна

Конец зимы, начало лета
соединились в слове этом,
крича на тысячу ладов.
И, как соски, набухли почки –
природы болевые точки –
в предощущении родов.

Праматерь вздохов на скамейке,
весна, смешны твои ремейки,
но вновь, как в юности, клюю
на эту старую наживку,
твою прекрасную ошибку,
вечнозелёное "люблю".

* * *

Сбылось всё то, что пела флейта,
о чём пророчил соловей.
Как сладко быть впервые чьей-то,
не просто чьей-то, а твоей!

Как радостно поведать миру,
что в нём я больше не одна.
Как будто в тёмную квартиру
плеснуло солнцем из окна!

И кажется, что светом этим,
что вечность нам даёт взаймы,
я расплачусь за полстолетья
по вексям тоски и тьмы.

* * *

Свой мир лелея и лепя,
жила в себе и из себя.
Теперь, устав от пустоты,
моя душа – не я, а ты.

* * *

Не отличала ночь от дня,
шипов от розы,
когда любила про себя
сквозь зубы, слёзы.

Теперь же всё наоборот.
Разбив корыто,

во все глаза, во весь свой рот
люблю открыто.

* * *

Не знала ни стыда, ни горя
любовь без права и венца.
И ты встречал меня у моря
в рубашке цвета огурца.

И счастьем не было конца.

* * *

Ты стал моим берегом и оберегом.
Вхожу в твою душу, как в тёплую реку,
и чувствую почву и твёрдое дно –
всё то, без чего устоять не дано.

Жила без любви, без надежды и веры,
и в пропасть манили ночные химеры.
Но что мне теперь даже самая смерть,
когда под ногами небесная твердь?

Ты был мне обещан и Богом, и Чёртом,
давно позабытым в веках звездочётом.
Так выпали карты и звёзды легли –
идти нам одною стезёю земли.

* * *

*Всего прочнее на земле печаль...
А.Ахматова*

Всё повторимо: почки и грачи.
Ни снег, ни дождь – ничто не брызжет новью.
Единственен лишь голос твой в ночи,
что шепчет моё имя в изголовье.

Я заключу тебя в объятья строк.
Ты будешь в них, как в шлеме и кольчуге.
А если вдруг судьба взведёт курок –
прочней мечта окажется о чуде.

* * *

Мы мечтаем о высоком
и стремимся вдаль за ним.
Ну, а что всегда под боком –
то не ценим, не храним.

Закружило в вихре вальса
в ооруче любимых рук...
Пробил час. Сцепились пальцы.
На тебе замкнулся круг.

Отсверкали фейерверки.
Мне уже не быть одной,
мерить мир иною меркой –
самой верной и родной.

В тесноте, да не в обиде,
вплоть до самого конца
мчать в карете по орбите
обручального кольца.

* * *

Как бы вы вашу душу в страстях ни метелили,
как бы ваша мечта ни витала воздушно –
настоящее счастье всегда незатейливо:
тесный столик на кухне, ночник над подушкой.

Проторёнными тропами жизнь устилается.
Не беда, коль не хватит в ней соли и перца.
Поцелуи чужих на губах могут плавиться,
но они никогда не доходят до сердца.

Настоящее счастье – простое, но прочное,
познаётся бок о бок, в обнимку, впритирку.
Ты один настоящий, все бывшие, прочие –
только бледные оттиски через копирку.

* * *

Я споткнусь на каком-то слогe –
ты продолжишь за мною фразу.
Два медведя в одной берлоге,
мы совпали с тобой по фазам.

Словно выплатили налоги* –
беспробудочно мы сонливы.
Два медведя в одной берлоге –
невелик же мир у счастливых!

* "Заплати налоги – и спи спокойно" – реклама на ТВ

Вопиюще не одиноки
в закутке домашнего круга,

два медведя в одной берлоге –
мы немислимы друг без друга.

* * *

Ты мне такое счастье принёс,
такого нету нигде.
Оно не просто однажды сбилось –
сбывается каждый день.

Оно родимее всех отчизн,
стариннее всех эпох.
Такой, должно быть, бывает жизнь,
когда в неё входит Бог.

Оно свечою украсит тьму,
укутает, как в меха.
И нет никакого дела ему
до моего стиха.

Под аркой радуги, в кольце обнявших рук
так ярки радости, не ведавшие мук.
И жизнь домашняя, ручная, как зверёк...
Любовь вчерашняя, я слышу твой упрёк.

Как мы под ливнями бежали под плащом,
как счастье пили мы и жаждали ещё...
Осенним золотом закрыло вышину.
Прости мне, молодость, покой и тишину.

* * *

Наш ужин скуден и нехитр:
овсянка, сэр. Сырок, кефир.
О, трапеза и затрапеза!
Да, далеко же нам до Креза.

* * *

Не Венера, не Афродита.
Выгляжу серо, гляжу сердито.

Не в шелках, не на каблуках...
Но есть что-то во мне, что нетленно.
Я – синица в твоих руках
с журавлиной душою пленной.

* * *

Сквозь тернии и шипы
мой путь к тебе был упорен.
Из жизни, лихой судьбы
тебя извлекла, как корень.

Прошёл первоцветья шок –
то всё шелуха, полова.
Ты – старый мой корешок.
Ты жизни моей основа.

* * *

Мы так близки, что наши имена
через дефис писать готовы руки.
Отдельно нет тебя и нет меня.
Матрёшки мы, живущие друг в друге.

Любовь – игла в Кашеевом яйце.
Дрожа над ней, живу лишь при условии
тепла в глазах и нежности в лице,
и ласки рук, сплетённых в изголовье.

"Мой милый, – говорю тебе, – мой свет",
к груди твоей прижавшись что есть силы,
чтоб между нами ни в один просвет
не просочился холодок могилы.

Единство наше как объятье длить
без передышки и без промежутка...
Нас и дефис не в силах разделить.
От этого и радостно, и жутко.

* * *

Облетели листья, потемнели дни.
Вот мы и остались на земле одни.
Я тебя жалею. Я тебя лелею.
Я тобой болею. Боже, сохрани.

* * *

К тебе летит мой каждый час и сон.
Мы плавно переходим в сны друг друга.
Наш общий сон нас держит, невесом,
с надёжностью спасательного круга.

* * *

Декарта мысль ценю живую,
но я иначе назову:

"Любима – значит, существую".
Люблю – и, значит, я живу.

* * *

Всё ищем мы заоблачную твердь,
когда земля качнётся под ногами
соломинку, опору, посох, жердь
иль мостик радуги меж берегами.

Луна висит дамокловым мечом.
Мир мельтешит, обманываясь, маясь.
Но небо подпираешь ты плечом,
к которому я тесно прижимаюсь.

* * *

Вечный зазор, не пускающий в грудь.
Словно забор, преграждающий путь.

Словно одежда, что хочется снять,
чтоб не мешала друг друга обнять.

Словно пейзаж, отделённый стеклом.
Тянутся руки, но снова – облом.

Жизнь, разделённая вечной межой:
близкий – и дальний, родной – и чужой.

* * *

Тетрадь, акацию в окне,
тепло участливого взгляда –
вот всё, что в жизни нужно мне,
а больше ничего не надо.

И что там будет впереди –
не бередить себя вопросом.
.. И – ямку на твоей груди,
куда уткнулся холодным носом.

* * *

Нам вечность не грозит.
Без нимба, ореола
лицо твоё вблизи
отчетливо и голо.
Всё меньше виражей
в смертельном нашем ралли.
Всё больше миражей
развеяно ветрами.

И деревянный чёрт –
смешное воплощенье
твоих семитских черт –
потутился в смущенье.

Уж сколько лет и зим
висит он в изголовье,
твоим зрачком косит
с укором и любовью.

Меняются черты,
мелькают дни и даты,
но вечно моё Ты,
незыблемо и свято.

Ты выхватил меня
из пустоты вселенной,
из тьмы небытия,
из водной дрожи пенной.

Обвёл защитный круг.
Лежу, как в колыбели,
в тепле сплетённых рук,
в твоём горячем теле.

Храни меня, храни,
мой ангел с ликом чёрта!
Мне кажется, что нимб
венчает лоб твой чёткий.

И отступают прочь
кладбищенские плиты.
И дольше века – ночь,
где наши лица слиты.

* * *

*За столькож жить мой ум хотел,
что сам я жить забыл.*

И. Анненский

А телеграммы радости скупы,
но боль щедра и горечь хлебосольна...
Не отыскав нигде своей тропы,
не стала я ни Сольвейг, ни Ассолью.

Я так от этой жизни далека,
где всё прекрасно: лица и одежда.

Грызёт меня всеядная тоска.
Соломинкой прикинулась надежда.

Я жизнь свою сумела не прожить
по-своему, как я того хотела.
Зачем сейчас всё это ворошить?
Душа достигла своего предела.

Жить не сумела? Чем-нибудь другим
займись... Как небо – предвечерним светом...
Решай загадку замогильной зги,
что нам была предложена поэтом.

Уходят дни, неудержимо мчась,
летят, как пух от ветра дуновенья.
Проходит жизнь. Особенно сейчас.
Особенно вот в это вот мгновенье.

* * *

Дворник Павел Николаич
чисто по двору метёт.
Кот урчит, собака лает –
он и ухом не ведёт.

Поглощён своим уменьем,
вычищает всё дотла:
до песчинки, до каменьев,
догола и добела.

Чтобы стало всё безликим,
он метёт всё злей и злей,
не оставив ни улики,
ни былинки на земле.

Где ты, где ты, зелень лета?
Всё под корень, ё-моё.
Как он чисто делал это
дело чёрное своё!

Пот утёр рукою тучной,
сел устало на скамью...
Дворник, – я шепчу беззвучно, –
душу вымети мою!

Чтобы не ветвились чувства,
не клубилась пена дней,

чтобы стало чисто, пусто,
просто в памяти моей.

* * *

Пестрят и рвутся тут и там
клочки по всей округе:
"Сниму", "куплю", "продам", "отдам
в заботливые руки",

"вишнёвый сад", "добротный дом",
"собаку" или "дачу"...
А в сущности, все об одном
толкуют, пишут, плачут.

Как будто бы один блокнот,
разодранный на части,
взывает, жаждет – не банкнот –
тепла, уюта, счастья!

Бумаги рваные листки
трепещут, словно флаги –
куски надежды и тоски,
промокшие от влаги.

* * *

А если грязь и низость — только мука...

И.Анненский

Мне пишет зэк, что всё находит отклик
в его душе в прочитанных стихах.
И просит он издателя: не мог ли
прислать им книг, погрязнувшим в грехах?

Казалось бы, что общего меж нами?
Не зарекайся – мудрость говорит.
Никто не вправе первым бросить камень.
У каждого в шкафу скелет зарыт.

Мир – камера огромного размера.
Подглядывает Бог в глазок луны.
Он знает: все достойны высшей меры, –
читая наши помыслы и сны.

"Наш коллектив и я, Иван Молочко,
пишу не столь из отдалённых мест..."
Так что в них суть и что лишь оболочка?
Душа взревёт, как поглядишь окрест.

"И время драгоценное досуга
мы на стихи затрачиваем все..."
"А если грязь и низость – только
по где-то там сияющей красе?"

* * *

"Живём лишь дважды", – Вы сказали,
как записали на скрижали.
И мне открылось: так бывает.
Две жизни каждый проживает.

Две жизни... Разве это дело?
Одна – душе, другая – телу.
И обе мучают виной.
Две жизни – это ни одной.

* * *

Пройти по лезвию ножа,
свою судьбу в руках держа...
А жизнь суёт свои лекала.
Не слышать бы её вокала!

Жить без лекал и без клише,
чтоб было хорошо душе,
чтоб ей достичь того накала,
какого издавна алкала.

* * *

Следит недреманное око,
чтоб радость вечно вышла боком,
чтобы даров не перепало,
чтоб зла не показалось мало.

* * *

Потёмки собственной души,
её бесхитростные тайны...
Мы все для Бога малыши.
Всевышний, радости всем дай нам!

Никто не знает, что потом –
мир вечный там или увечный.
И мы глотаем жадным ртом
напиток солнечный и млечный.

Хоть чуточку ослабь зажим.
Пусть течёт, меняя числа,
гипотетическая жизнь
на грани вымысла и смысла.

* * *

Нам выстудил душу вселенский сквозняк,
паренье в пустых облаках.
А хочется в жизни надёжный верняк,
чтоб прочно стоять на ногах.

И мы отгораживаемся стеной,
чтоб в дом не прокрался тать.
И мы поворачиваемся спиной
к тому, что зовёт летать.

Но самозащита – опасная вещь,
это палка о двух концах.
Ведь мы и от того, кто велик и вещь,
отгораживаемся в сердцах.

И ты, не бросая своей бороны,
на душу не вешай замок.
Никто ведь не знает, с какой стороны
придёт к нам однажды Бог.

* * *

Бог – ничто. Струя песка.
Мои сны, моя тоска,
то, что шепчет нам листва
и рисует синева,
что воркуют сизари,
что болит у нас внутри.
Он – полуночная мгла,
волны света и тепла,
то, что нам в потоке дней
всего ближе и родней.
Он – изнанка наших слов,
содержимое голов,
наши страхи и мечты.
Бог – всё то, что я и ты.

* * *

В глазу окна – соринка месяца.
Слезами даль заволокло.

О сколько грязи в жизни месится,
а всё-таки в душе светло.
Пусть всё заполонили гадины –
хранит его грудная клетка.
И свету ровно столько дадено,
чтобы не околеть.

* * *

Между землёй и небом,
меж тем, что была – и небыль,
меж прошлым и грядущим,
меж суетным и сущим,
меж тем, что тьма, и тем, что свет,
меж тем, что да, и тем, что нет,
между змеей и птахой,
между тюрьмой и плахой,
меж беспорочной кельей
и приворотным зельем,
меж бесом и распятым,
спасеньем и проклятьем,
меж адом и меж раем
всю жизнь мы выбираем.

* * *

Земля или небо?
Не то и не сё.
И правду, и небыль —
мне хочется всё!

В земле увязаешь,
а небо – вдали,
и не осязаешь
его ты с земли.

Орёл или решка?
Звезда или хлеб?
Судьба – как насмешка,
и выбор – нелеп.

Пытаться не надо
понять никогда.
Ни неба, ни ада.
Ни нет и ни да.

* * *

Аллея улицы Лесной.
Там палисадничек резной,
и травы по утрам в росе...
Она короткая совсем.

Каких-то метров тут пятьсот.
И нет особых тут красот,
и нет домов солидных.
Я здесь гуляю с Линдой.

Она так неказисто-хороша,
питаю к этой улочке я нежность.
Так выглядела бы моя душа,
когда б она имела тоже внешность.

Аллея улицы Лесной,
зимою, летом и весной
куда ведёт она меня,
вдруг обрываясь у плетня?

* * *

Лишённая леса и поля душа,
взращённая в городе сроду...
Чтоб как-то её освежить, отдышать,
сажу на балконе, читая, пища,
всего в двух шагах от природы.

Вдыхаю озон всю грудью и ртом,
привыкшим к бензину и саже.
Листва надо мною раскрылась зонтом.
Как Линда веселым пушистым хвостом,
акация веткою машет.

Мол, наше вам с кисточкой... Благодарю
и тоже в ответ ей киваю.
Природа, тебе этот стих я дарю,
как знак, что дышу, и пишу, и творю,
пока ещё тоже живая.

* * *

Я ёжик, плывущий в тумане
в потоке вселенской реки.
Мне звёзды мигают и манят,
мелькают вдали маяки.

— Плыви, ни о чём не печалься, —
журчит мне речная вода, —
доверчиво в волнах качаясь,
без мысли зачем и куда.

Но только не спрашивай: "Кто я?"
Не пробуй, какое здесь дно.
Не стоит, всё это пустое,
нам этого знать не дано.

И лунный начищенный грошик
сияет мне издалека:
плыви по течению, ёжик,
и жизнь твоя будет легка.

* * *

*Если тебе дадут линованную бумагу
пиши поперёк.*

Хуан Рамон Хименес

Поперёк политических прописей,
старых догм и житейских клише,
толкований недавнего прошлого
и всего, что обрыдло душе,

я пишу свою личную летопись,
отвергая чужие дары,
поперёк всех линеек и клеточек,
в нарушение правил игры.

* * *

Один не воин в поле,
а я кругом одна.
О сколько надо воли,
когда кругом стена!

Всё тонет в фарисействе.
Как жизнь мне перейти,
когда в людском семействе
ни с кем не по пути?

* * *

Чем дальше в жизни — тем трудней
держаться между двух огней.
Мой путь отнюдь не так уж прост:
меж двух огней — лучей и звёзд —

с утра до вечера борьба,
чтоб убивать в себе раба.
И стрелы с двух сторон летят,
и ангелы отводят взгляд,
хотя им сверху там видней,
как выжить мне меж двух огней.
Меж этих и других врагов
веду я счёт своих шагов,
по полю минному идя,
на оба фронта бой ведя.
Но всё труднее мне идти,
всё холоднее на пути
во тьме ночей и в свете дней
меж двух огней, меж двух огней.

* * *

Время! Я тебя миную.
М.Цветаева
Времена не выбирают.
А.Кушнер

Я ошиблась веком и страной.
Время! Ты проходишь стороной.
Но во мне лучей твоих рентгены,
кровь твоя в моих струится венах,
грудь мою грызёт твоя тоска,
мысль твоя стучит в моих висках.
Время, ты всё злей, радиоактивней,
но тебя никак не обойти мне.
Я птенец из твоего гнезда.
И моя в тебе есть борозда.
Ты и боль, и быль моя, и небыль.
Я в тебе между землёй и небом.
Время, я тебя хватаю ртом.
Видишь, человек твой за бортом?!

* * *

Внутри иначе жизнь течёт.
Обратен времени отсчёт.

Снаружи – шум, здесь – тишина.
Снаружи – мир, а здесь – война,

с самой собой, с самой собой
я здесь веду незримый бой.

Здесь – Ренессанс, а там – распад.
Живу я с веком невпопад.

* * *

Душа моя, пожалуйста, нишкни!
Не жалуйся, хозяйева – они.
Уткнись в пальто, молчи себе в кулак.
Ты здесь никто, и звать тебя никак.

* * *

На аккуратных рытвинах аллея –
замедленные взрывы тополей.
Сегодня даже мирная земля
напоминает минные поля.

* * *

Трёхцветный флаг нам счастья не принёс,
как кошка – по народному поверью.
Народ скулит и воет, точно пёс
перед наглухо захлопнутою дверью.

О мученик оболганных идей,
обманутая жертва обольщенья!
Ты – уценённый кем-то сорт людей,
изъятый навсегда из обращенья.

Пока ещё наркоз любви, стихов,
родного дома действует привычно,
и командорской поступью верхов
не омрачён мой слух аполитичный,

но средь чумы самоубийствен пир.
И Муромец однажды слазит с печки...
Вдыхаю жизни нашатырный спирт,
чтобы очнуться от блаженной спячки.

Первомай 2004-го

В дождливой мороси и хмари
тонул нелепый Первомай.
Я шла с тяжёлой сумкой к маме.
(Уже не шёл туда трамвай).

Мой взор, рассеянный и сонный,
скользил по верх молодых племён,

а мне навстречу шли колонны,
как будто из других времён.

О сколько их! Куда их гонят?
Что демонстрировать, кому,
когда в стране, где все – изгои,
власть, неподвластная уму?

Стояли ряженные в гриме –
Маркс-Энгельс-Ленин-Брежнев. Бред.
Мне Энгельс подмигнул игриво,
портвейном, кажется, согрет.

Толпа живым анахронизмом
флажки сжимала в кулаках.
Воскресший призрак коммунизма
маячил где-то в облаках.

Зонты – щитами – непогоде
и в ногу – мерные шажки.
А я всегда рвалась к свободе
сквозь эти красные флажки!

Всё, чем когда-то дорожили,
оплакивают небеса...
"Как хорошо мы плохо жили", –
однажды Рыжий написал.

Земля, тебе не отвертеться,
как этот шарик надувной
парит над юностью и детством.
Наивный шарик наш земной...

Тот день, душой не принимаем,
остался в памяти ларце
улыбкой хмурой Первомая
на века сумрачном лице.

* * *

Она летит, свободная от пут...
Привет, пичуга, как тебя зовут?
Дай перышко от твоего пера,
Чтобы легко писалось мне с утра!
Летит, как пух, что от Эола уст,
и мир уже не беспросветно пуст.

Пернатая надежда в небесах
летит и мир качает на весах.

В стране, где все привыкли падать ниц,
жить обучаюсь по законам птиц.
И никогда – хоть плачу и бешусь –
от птичьих прав своих не откажусь.

* * *

Что в этом мире нас удерживает? Случай.
Не властны над душой ни пряник и ни плеть.
Нет имени тому, что продолжает мучить
без права на покой, без шанса уцелеть.

Наш обморок с тобой, наш хмель, анестезия
позволит не смотреть, забыться и забыть,
как под откос летит безумная Россия,
без права умереть, без шанса разлюбить.

* * *

Мир расслоился с недавних пор.
Никак не возьму я в толк:
кто-то здесь вол, а кто-то – вор,
а кто-то и вовсе – волк.

Нутро людское сквозь слой корост
сумей разглядеть нагим.
Это – народ, а то – нарост.
Не путай одно с другим.

* * *

Что творят эти взрослые дети?!
Нет планеты у нас запасной.
Полушария мозга в ответе
за беспомощный шарик земной.

Мы в единой находимся связке –
каждый волен столкнуть иль спасти.
Все повязаны кровью, в замазке,
никому от суда не уйти.

Не молиться бы нам, не поститься,
а спасать этот шарик родной.
Не отмазаться, не откреститься
от того, что зовётся страной.

Я осень люблю и в природе, и в людях

* * *

Я осень люблю и в природе, и в людях,
когда успокоятся жаркие страсти,
когда никого не ревнуют, не судят,
и яркое солнце глаза уж не застит.

На кроткие лица гляжу умиленно,
их юными, дерзкими, детскими помня.
А жёлтые листья красивей зелёных,
и лунная ночь поэтичнее полдня.

* * *

Душа не стареет, как мудрые книги,
но освобождается, как от одежд.
И, словно цветы, осыпаются миги
разлук и свиданий, обид и надежд.

Всё то, что когда-то держало под током,
сгорело, спалив за собою мосты.
Душа, приближаясь к исконным истокам,
с себя понемногу снимает пласты.

Как листья роняет последние роща,
спадает всё то, что влекло в суете.
Всё к старости станет яснее и проще,
приблизится к истине и чистоте.

* * *

*Могучая евангельская старость,
и тот горчайший Гефсиманский вздох...
А.Ахматова*

Счастье юных, тёмное, неверное,
как остро и жадно его жало.
Счастье старых, мирное и мерное,
знает лишь прощение и жалость.

Старость чем-то схожа с тихой пристанью,
где земное всё уже свершилось,
и она глядит светло и пристально
на волны бушующую живость.

Да, вот так нести своё страдание,
величаво, просто и смиренно,
в ожидании скорого свидания
с тем, что незнакомо жизни брэнной.

* * *

У оборванных лепестков ромашек,
у листков оторванных календарей
что-то общее – от смертельных промашек
облетевших лесов, обмелевших морей.

* * *

Как слёзы по лицу, струятся годы,
покуда их источник не иссяк.
В них что-то от бессмертия природы,
когда из праха воскресает всяк

для жизни новой... Листья желтолицы,
напоминая лик немолодой.
Как я сейчас хотела б с ними слиться,
совпав с травой, небом и водой.

По жизни плыть, не зная сроду броду,
вдыхая этот воздух голубой,
сливаясь с равнодушной природой,
с землёй, с народом... только не с толпой.

* * *

Засыпаю я, засыпаю...
Как песком себя засыпаю.
Всё вокруг невесомо, зыбко.
Мир качается, словно зыбка.

о свиданья. Спокойной ночи,
сегодня устала очень.
Засыпаю я, засыпаю.
Душу в снах золотых купаю...

* * *

Во сне не лгут самой себе.
Бесстрашно растравляя ранку
души, наперекор судьбе
живёшь наотмашь, наизнанку.

И всё в тебе, что было тьмой,
застыло, съёжилось, закисло –

всё скажется себе самой
в обход и разума, и смысла.

Там только музыка и свет,
там только облако и птица,
там то, чего навеки нет,
что может только мне присниться.

* * *

Листья – письма осени прощальные.
Я люблю слова её печальные.
Ведь на них не нужно отвечать.
Всё уже свершилось паче чаянья.
На земле лежит печать молчания,
круглая нечёткая печать.

* * *

Мокрая осень
стучится в окно.
Золото с охрой
облезли давно.
Слышится тонко:
"Пусти, обогрей!"
Осень с котомкой
стоит у дверей.

Пусто в котомке.
Дыряво бельё.
Где же, мотовка,
богатство твоё?
Осень-растратчица,
где же твой дом?
Плачется, плачется
ей за окном...

* * *

Утомилась мечта о чуде.
Призадумалась и остыла.
"Понимаешь, всё ещё будет"
заменило: всё уже было.

Хочешь – жалуйся, хочешь – кайся,
но таков уж обычный финиш:

то, что было плывущий айсберг,
то теперь – затонувший Китеж.

* * *

Дождик шёл, беспокойно стуча о стекло,
а потом его сердце устало.
Просто время дождя истекло, истекло.
Вот покапало – и перестало.

Непривычной мгновенье ожгло тишиной,
Взорвалось в ушах, как граната,
Непонятна причина, и кто тут виной.
Это всё перестало, как дождик весной.
Это всё перестало быть надо.

Попрыгунья

"Вот это облако кричит", –
заметил ей художник Рябов.
В искусстве разбираясь слабо,
она глядит влюблённой бабой,
и осень на губах горчит.

"Да, это облако кричит", –
она кивает головою.
Оно кричит, о чём молчит
луна в чахоточной ночи,
о чём ветра степные воют.

Оно кричит, пока он спит,
о чём капель по крышам плачет,
о чём душа её вопит
от первой боли и обид...
Она грешна не так – иначе.

* * *

Ввысь неуклонно – рецепты просты –
и весь мир пред тобою у ног...
Страшно подняться до той высоты,
где ты будешь совсем одинок.

* * *

Во всём приметы близкого родства
души с землёй, их тайного соседства.

Переплелись корнями дерева,
им никуда от прошлого не деться.

Мертвеет пень безглавый под кустом.
Скрипит сосна в бессильной укоризне.
Дрожит осина, подавляя стон
по тем, кого любила в этой жизни.

Мне страшен их разбросанный пасьянс.
Шепчу: "Ну хватит, замолчите, будет!"
"Гляди на нас, – я слышу вещей глас, –
когда-нибудь с тобою то же будет".

Сама себе не ровня, не родня,
я наблюдаю пристально за чашей.
Во всём приметы будущей меня
и ни одной приметы – настоящей.

* * *

Долька радости ушла.
Мандариновая долька.
Кто мне скажет, сколько их
там ещё осталось, сколько?

* * *

Тот дождик шёл, как будто он последний
навзрыд, наотмашь, наперекосяк.
Не вслушиваясь в яростные бредни,
спешил домой и чертыхался всяк.

О чём-то он хотел земле поведать,
захлебываясь, в трубах клокотал.
Но всяк спешил в свои дома обедать,
и скоро обезлюдел весь квартал.

Я оказалась лишь одной невольной
случайной собеседницей дождя.
Ему, казалось, этого довольно...
А после – это было так прикольно –
пила его коктейль безалкогольный,
которым угостил он, уходя.

* * *

Как ничтожен зазор меж любовью,
её счастьем и горькой бедой.

Это всё лишь одно троесловье,
что нельзя разделить запятой.

* * *

Не их, а что-то через них,
за ними любим мы,
над ликом воссиявший нимб,
сверкнувший нам из тьмы.
И потому так вечен миг,
связавший слепо, напрямик
и души, и умы.

* * *

Когда надо мною отдёрнулся занавес,
явив всему свету судьбы моей малость
на этой земле все места были заняты,
и мне только небо одно оставалось.

* * *

"Весна" Боттичелли, "Весна" Боттичелли,
летающие линии в солнечном теле,
струящийся, плавный, томительный танец,
шары золотые, хитонов багрянец.

О чудо чудес, "боттичелиев контур",
мазок, убегающий вдаль к горизонту.
В изломах материй и складках капризных –
сознание хрупкости, зыбкости жизни.

В изменчивых лицах мадонн Боттичелли
есть то, что мы втайне от жизни хотели,
всё то, что пленяет нездешнею властью –
пронзительно-чёткая формула счастья.

* * *

*Золотистого мёда струя из бутылки текла
так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела...
О. Мандельштам*

Не успела подумать – зачем и о чём
так томила душа и чего так хотела.
"Как тягуче и медленно время течёт!" –
не успела промолвить, а жизнь пролетела.

* * *

Поверь, возможны варианты.

Л. Миллер

Есть варианты судьбы и возможностей.

А.Кушнер

Как ни вставай на цыпочки-пуанты,
танцуя жизни трепетный балет,
твой лебединый час пробьют куранты,
и ты увидишь: вариантов нет.

* * *

Как из проколотого шара
выходит воздух –
всё меньше жизненного жара,
всё чаще роздых.

Всё дальше манит неземное,
коллапс воздушный.
А то, что раньше было мною –
балласт ненужный.

* * *

Как я узнаю старость,
о том, что она пришла?
По той тишине усталой,
в которой уснёт душа?

По той однозвучной ноте,
к которой с каких-то пор
сведётся в конечном счёте
весь разноголосый хор?

По мысли, что, мозг тараня,
подскажет на склоне дня:
она за какою-то гранью
и ждёт меня.

* * *

"На старость лет пошли мне сад".
Мечта, как прежде, врёт.
Как страшно посмотреть назад.
Ещё страшней вперёд.

Увидеть через толщу лет,
узнать в последний час,

что счастья нет, покоя нет,
и то, что Бог не спас.

Стихи – не чувства, это опыт

* * *

Стихи – не чувства, это опыт,
который душит и страшит.
И не слова, а лепет, шёпот,
невыразимый стон души.

Стихи – не лёгкое дыханье,
а тяжкий горла перехват.
Не правоты своей сознанье,
а мысль, что ты лишь виноват.

Стихи – та боль, что не стихает,
всегда держащая в тисках,
не облечённая стихами,
не облегчённая тоска.

Когда, не зная милосердья,
пройдёшь сквозь всё, что и врагу...
И лишь тогда, как перед смертью,
ты прохрипишь свою строку.

* * *

Стихи растут из сора и из ссор
с самим собою, с миром, с мирозданьем.
Из пониманья, что весь этот вздор –
души твоей рисуемый узор –
есть порученье, Божее заданье.

Из ощущенья личной правоты,
из чувства, что тебя нет виноватей.
Путём зерна из вечной мерзлоты,
из темноты, небесной высоты,
из теплоты единственных объятий.

Искусство

Оно прелюдия и финиш,
оно – и искренность, и ложь.
Желанье большего, чем видишь,
и лучшего, чем ты живёшь.

* * *

Сиянье солнечного дня.
"Купанье красного коня".

Могучий конь, былинный конь
и ярко-красный, как огонь.

Им правит мальчик, невесом,
и телом слаб, и худ лицом.

Не знает критик-ортодокс,
как разгадать сей парадокс.

Тут нет нигде полутонов.
Сюжет и стар, и вечно нов.

Вот так Есенин по весне
скакал на розовом коне...

Крылатый конь. Небесный свет .
Тот мальчик, верно, был поэт.

"Купанье красного коня"
вам всё расскажет про меня.

* * *

Недо-весна: недо-вода,
недо-тепло, недо-одежда.
Между дождём и солнцем между,
как между нет и между да.

Расплывчатость всего, что тало
и что устало быть зимой...
Мне кажется, я начертала
портрет поэзии самой.

* * *

Стих пахнет кровью, а не мёдом,
когда не врёт.
Залью чернилами, как йодом.
Пусть заживёт.

* * *

Мы, поэты – люди голые.
А.Ахматова

Мы голые люди, весёлые люди,
мы служим хорошей мишенью для судей.

Что колет вам глаз, непотребно, прожжённо,
заметней на том, что всегда обнажённо.

Мы голые люди, мы полые люди,
набитые хламом идей, словоблудий.

Кто в руку положит, кто бросит в нас камень.
Вы можете голыми брать нас руками.

Мы дикие люди, косматые звери,
в нас души распахнуты настежь, как двери.

Нам нечем укрыться и некуда деться.
Дрожит на ветру оголённое сердце.

* * *

Так одиноко петь мне про это.
Ты хоть согрей.
Люди не понимают поэтов,
точно зверей.

* * *

Поэты мечут бисер слов
среди свиней, среди ослов.

* * *

Где найти козла отпущения
всех грехов моих и стихов?
У кого попросить прощения,
что сама я и мир таков?

Вот и радуга сверху свесилась,
руку тянет моей в ответ.
Ах, и держит-то всех на свете нас
то, чего на поверку нет.

* * *

Жизнь непривычно тиха.
Стихла стихия стиха.

* * *

В своём соку закисшая строка.
Фонтан, себя питающий устало.
А я – река! Нужны мне берега
и море –то, в которое б впадала.

И – города, что плыли бы в огнях...
Мне нужно всё, несущееся вольно,
глядящееся пристально в меня,
клонящееся в трепетные волны.

Но, стиснутая вдоль и поперёк
плотиной дел, инерции,рутины,
я превращаюсь в жалкий ручеёк,
в то, что судьба и жизнь укоротила.

* * *

Так мне с руки и на руку
переживать отлучку.
Хочется взяться за руку –
и я берусь за ручку.

* * *

"Как тебе там?" – я спрошу у звезды.
"Холодно", – ёжится лучик.
Этой в незнаемое езды
мне бы не знать было лучше.

Чем ближе к небу – тем холодней.
Жить на земле надо просто.
Но зато сверху мне всё видней.
И я понимаю звёзды.

* * *

Есть вещи, что боятся слов:
их назовёшь – и всё растает...
Есть вещи, что боятся снов,
где наши души обитают.

Попытка рая на земле –
к чему я чувствую призыванье,
что робко светится во мгле
без имени и без названья.

* * *

"На чёрный день", "на худой конец"
рассчитываем обречённо.
Конец – он всегда худой. Наконец
венчает он день этот чёрный.

Не носом в подушку – а носом в тетрадь,
раз горе тебе не даётся.
От этих слёз – как бы их ни стирать –
хоть что-нибудь, да остаётся.

* * *

Как сорными лопухами,
которых никто не ждёт,
могила моя стихами
бесхозными зарастёт.

Стихи о поэтах

Лермонтов

"Кто мне поверит, что я знал любовь,
имея десяти лишь лет от роду?
Подкашивались ноги, стыла кровь...
Мы отдыхали на Кавказских водах.

Забыть не в силах девочки одной
лет девяти... Не помню, хороша ли,
но образ тот навеки был со мной,
куда о пути земные ни лежали..."

Так вспоминал поэт свою любовь.
Пройдут года, и след её растает.
И встретит эту девочку он вновь
через 17 лет... Но не узнает.

Эмилия Верзилина. Звезда
Кавказа. Бело-розовая кукла.
Изящна, образованна, горда,
стройна, и белокура, и округла...

Мишель влюблён. Прогулки тет-а-тет.
Но вот она не кажет глаз, остынув.
Вниманием красавицы согрет
усатый обаятельный Мартынов.

И началось! Обстрелы эпиграмм,
сарказмов яд, всё злее и жесточе...
Но лишь скалистым ведомо горам,
как он страдал, душою кровотока.

Она тебя не стоила, Мишель!
В тот самый день, когда тебя зарыли,
Эмилия – подумаешь, дуэль! –
отплясывала весело кадрили.

Прошло ещё семнадцать. И тогда
была опубликована записка
поэта, где Кавказская Звезда
себя узнала в восьмилетней киске.

Какой судьба придумала курьёз!
И романист так вряд ли подытожит:
та девочка из юношеских грёз
и дама-вамп – лицо одно и то же.

Два чувства только было, два – в одном,
всё, что меж ними – тень бывшего пыла.
Одно поэта пробудило в нём,
другое человека в нём убило.

Иннокентий Анненский

Нерадостный поэт. Тишайший, осторожный,
одной мечтой к звезде единственной влеком...
И было для него вовеки невозможно –
что для обычных душ бездумно и легко.

Как он боялся жить, давя в себе природу,
гася в себе всё то, что мучает и жжёт.
"О, если б только миг – безумья и свободы!"
"Но бросьте Ваш цветок. Я знаю, он солжёт".

Безлюбая любовь. Ночные излиянья.
Всё трепетно хранил сандаловый ларец.
О, то была не связь – лучистое слиянье,
сияние теней, венчание сердец...

И поглотила жизнь божественная смута.
А пасынка жена, которую любить
не смел, в письме потом признается кому-то:
"Была ль "женой"? Увы. Не смог переступить".

Блок

"Ночь, улица, фонарь, аптека"
всю жизнь тоску внушали веку.
Но каждый век, сроднившись с ней,
был предыдущего страшней.

"О, было б ведомо живущим
про мрак и холод дней грядущих", –
писал нам Блок, ещё не зная,
как он до ужаса был прав.

Насколько мрак грядущей бездны
"перекромешнит" век железный.
Метафизический мейнстрим –
страшилка детская пред ним.

Аптеки обернулись в морги
и виселицей стал фонарь.
И не помог Святой Георгий,
не спас страну от пуль и нар.

О, если б только знал поэт,
когда писал свой стих тоскливый,
что через пять начнётся лет –
то показалась бы счастливой

ему та питерская ночь,
фонарь – волшебным, а аптека
одна могла б ему помочь
смертельной морфия утехой.

Никто не знает, отчего
скончался Блок... И вдруг пронзило:
не от удушья своего
и не от музыки вполсилы,

он вдруг при свете фонаря
увидел будущее наше,
все жизни, сгинувшие зря,
заваренную веком кашу

и ужаснулся этой доле:
кромешный мрак и в нём – ни зги.
Он умер в этот миг от боли.
Он от прозрения погиб.

Коктебель Волошина

Край синих гор зовётся Коктебель.
Небесный взор. Морская колыбель.
Ламанча снов печального гидальго.
Здесь всё хранит недавние следы:
скалистый профиль, абрис бороды,
ступнями отшлифованная галька.

Сюда пристал когда-то Одиссей.
Здесь Ариадной был спасён Тезей.
О Киммерия, древняя Эллада!
Здесь аргонавты завершали путь,
здесь амазонки выжигали грудь,
Орфей спускался в филиалы ада.

"А вдруг он в самом деле Божество?
Пан здешних мест? Природы торжество?"
в смятенье детском думала Марина.
И, кажется, доносят нам ветра
суровый голос мужественной Пра,
за мирный нрав отчитывавшей сына.

Не мог ни на кого поднять руки,
но жил законам века вопреки,
всему тому, что совести противно.
Глядятся в душу, трепетно тихи,
картины, как безмолвные стихи,
стихи, как говорящие картины.

Собака Пастернака

Подонки громили врага – Пастернака.
Все окна побили на даче.
Но этого было им мало, однако –
побили камнями собачку.

Она с перебитыми лапками выла,
скрываясь за дачною дверью.
Поэта травило двуногое быдло,
в загон загоняя, как зверя.

Хотелось им смерти поэта собачьей,
хотелось им крови поэта...

И Лёня Губанов, приехав на дачу,
собачку выгуливал эту.

Неведомо, живы ль собачьи потомки,
но подлости лик одинаков,
и отпрыски тех чистокровных подонков
всё так же громят пастернаков.

* * *

"Жид недобитый, будь ты проклят!" –
писали Бродскому в Нью-Йорк,
когда поэту и пророку
весь мир выплёскивал восторг.

Увенчана наградой лира,
и смокинг для приёмов сшит,
а на двери его квартиры
шкодливо выведено: "жид".

Вороны с профилем аршинным
из русской лужи, гады пьют,
и сионистские снежинки,
пронеры, по свету снуют.

Кругом проникли инородцы...
О, макашовская страна!
Как ни фашиствуй, ни юродствуй,
ты всё вернёшь ему сполна.

Все люди – братья: Авель, Каин...
Хвалебный хор – и злобный вой.
Плохой еврей, американец,
изгой, любимец мировой.

Из дневника Ю. Нагибина

Так вот оно каким явилось – страшное,
когда увидел, отворивши дверь...
Не представляла жизнь моя вчерашняя,
что мне так больно будет, как теперь.

Живу в бреду. Неверие, неверие,
что это не приснилось в смуте дней.
Я праздную убитое доверие,
справляю тризну мощную по ней.

Той прежней Беллы нет, а эта – Боже мой
губительна, враждебна, недобра...
И восемь лет, что с нею были прожиты,
как лёгкий прах, развеяли ветра.

Она ворвалась в жизнь мою непрошено,
обрушась сумасшедшею волной,
смутила, закружила, огорошила
и погребла всё то, что было мной.

Чем дальше – тем безумнее и муторней...
Глядели ею люди и зверьё.
Всё было ею! Даже кофе утренний
казался с лёгким привкусом её.

Я был повержен. Но ещё барахтался,
пытаясь удержаться на борту.
Ты победила. Погубила. Радуйся!
Всё полетело к чёрту. За черту.

Спокойно, – говорю себе, – без паники!
Не хватит пальцев, в чём её винить.
Я не был слеп, хотя любил без памяти.
Я видел всё и всё низал на нить.

Подонков, что спешили напоить её...
Мне не забыть позора этих дней.
Но никогда так полно, упоительно
ни с кем не будет, как мне было с ней...

То, что звенело жертвенно, торжественно –
оборвалось, как слабая струна.
Извечно-бабьим обернулась женственность.
Разрушена волшебная страна.

Ещё немного твёрдости и холода –
держись, старик, не вешай головы –
и ты спасён от жалящего оводом
страданья, униженья и молвы.

Казалось бы, всё выгорело, пройдено,
уж нечего и незачем беречь.
Но – это ухо маленькое с родинкой,
и шея беззащитная, и речь...

И это пламя тёплого и рыжего...
Что делать с этим?! Кто мне даст ответ?
Не выдержу, не вынесу, не выживу!
И снова слёзы застилают свет.

Но было для неё змеиной шкурою –
что для меня – сожжением дотла.
Я для неё был лишь литературою,
она же кровь и жизнь моя была.

В моей груди свила своё гнездовище,
и, всё отняв, она вдруг стала всем.
Оставь меня ты, пьяное чудовище!
Раз ты ушла, то уходи совсем.

Корёжит душу эта боль бессильная,
глядит бессонно с каждого листка.
Какая осень! Золотая, синяя!
А делать с нею нечего... Тоска.

Мне голосом её синица тенькает.
Пропитан ею воздух и жильё.
Ничто мне не поможет. Всюду тень её.
Мне некуда деваться от нее.

*Здесь до тебя я был,
я плакал в коридоре...
А.Кушнер*

Здесь до меня он был, он плакал в коридоре.
Мне музыка и боль души его слышна.
И, кажется, на треть укоротилось горе.
Ура, не я одна! Ура, не я одна!

Здесь до меня он был. И до сих пор он возле.
И лишь его тоской земля напоена.
Но что же мне сказать тому, кто будет после?
Увы, не я одна. Увы, не я одна...

Посвящения

В поисках дождя

*Встретить Вас я должен был тогда,
в юности, по-блоковски туманной,
в час, когда, гонимый жаждой странной,
я метался в поисках дождя.*

*Я Вас ждал, но Вы меня не знали,
потому и не могли прийти, –
угольки сгоревшей той печали
Вы б теперь сумели там найти.*

*Только разве интересно это –
ту печаль угасшую искать,
юношу в мужчине узнавать
женщине в сиреновом берете?*

Н.Р.

Сто радостей назад и сто печалей
брела и я, себя не находя.
Мне кажется, друг друга мы встречали,
но не узнали в мареве дождя.

Та девушка в сиреновом берете
была от Вас тогда невдалеке.
Мне хочется об этом Вам поведать
на медленном и нежном языке.

Где наши души – голые, босые,
где тот сушивший губы летний зной?
А дождь прошёл – как все дожди косые –
как мы проходим в жизни – стороной.

Дорог не разбирая, слёз не пряча,
металась юность в поисках огней.
Судьба слепа, но души наши зрячи.
Я Вас узнала через толщу дней.

Мы в реку жизни входим лишь однажды,
извечно в сердце что-то бередя.
Но Ваши строки утолили жажду
необъяснимой свежестью дождя.

Памяти В. Козачи

Как сердце вздрогнуло и сжалось,
когда ты в класс явился наш —
учитель, практикант, Вожатый
и снов девичьих персонаж.

Я слов твоих не разумела,
внимав, как музыке, в тоске,
и щёки заливало мелом,
когда ты звал меня к доске.

Однажды, в переулке встретив,
смешавшись с уличной толпой,
я, позабыв про всё на свете,
пошла тихонько за тобой.

Мы шли и шли, как будто вместе,
бесшумный снег всё шёл и шёл,
и мне казалось, как невесте,
он шёл к лицу, как белый шёлк.

Шли никуда из ниоткуда.
Огни мерцали вдалеке.
За нами шло неслышно чудо
не с бритвой – с дудочкой в руке.

Снег опускался плавно-плавно,
и всё пьянило, как вино...
Тогда казалось это главным.
Как это было всё давно...

Всё тихо поглотило время.
Не состоялось рандеву.
Ты жил и жил в стихотвореньях,
в воспоминаньях, сновиденьях,
пока не умер наяву.

Н.С.Могучевой

Нина Сергеевна, милая!
Трудно писать эти строчки.
С нечеловеческой силою
жизнь Вас пытается на прочность.

Как ни толкала бы в ров она,
как ни терзала бы тело –
с этой душой очарованной
ей ничего не поделать.

"Вот дожила и до ландышей!" –
слышу Ваш радостный голос.
Думаю, так вот и надо жить,
не отступать ни на волос.

Верю, что сможете выстоять,
хворь одолеете злую.
Сердце открытое, чистое
Ваше люблю и целую.

В больнице

Кончаясь в больничной постели...

Б.Пастернак

Что сказать ей, чтоб её утешить?
Все слова тут сказанные – зря.
В доме тех, кого собрались вешать,
о верёвке вслух не говорят.

И какие – голову ломала –
взять цветы, которыми согреть,
чтоб ничто ей не напоминало
смерть?

Непосильным было это бремя.
Неуместны книги и пирог.
Малодушно я тянула время,
прежде чем шагнуть через порог.

Нет, не откупиться этой данью.
Не сумеешь сыграть мне эту роль.
Будет страшен лик её страданья,
боль.

Солнца луч, блеснувший, словно скальпель,
озарил сосулек хоровод.
Жизнь застыла той последней каплей,
что сорвётся, кажется, вот-вот.

Я в лицо опавшее глядела,
пряча слёзы, подавляя вздох,

и понять мучительно хотела,
где же тот, кому до нас нет дела —
Бог?!

Н. Медведевой

*А люди придут, зароят
моё тело и голос мой.*

А.Ахматова

*Раньше был он звонкий, точно птица,
как родник, струился и звенел...*

Н.Заболоцкий

Фраза та застряла, как осколок.
Самый воздух ею пропитался:
"Что ещё? Останется мой голос..."
Ты права, Наташа, он остался.

И не только на плите могильной,
где строка та выбита навеки,
где Пегаса трепетные крылья
обрамляют твоей жизни вехи.

Он остался в строчках вдохновенных,
из которых видно, ты какая.
И звучит светло, самозабвенно,
нас с небес безмолвно окликакая.

* * *

Дитя, глупыш, зверёныш, чадо,
прошу тебя, не надо чада,
не надо ада и чертей,
тоски, погоста и смертей.

За что мне небо ниспослало
сиё, иль было горя мало?
Но поняла, что не смогу
на том оставить берегу.

Но в память о родной утрате —
давно погибшем бедном брате —
я поклялась тебя спасти,
из царства теней увести.

Но в память обо всех, кто стынет,
о нерождённом мною сыне,
о всех, кому не помогла,
кого навеки скрыла мгла...

Сто раз я повторяю кряду:
за что ты так себя? Не надо!
Как в пропасть, рухаться в кровать
и со свету себя сживать.

Заморыш, плакса, чудо-юдо,
с тобой до смерти биться буду
за душу бедную твою
у чёрной бездны на краю.

* * *

Дорожу твоей жизнью, нелепой такой,
на которую сам ты махнул уж рукой.

И дрожу, как над слабым огарком свечи.
Но поэты – по Герцену – боль, не врачи.

Закую, заплету её в ямб и хорей,
пусть оставит, отпустит меня поскорей.

Что там? Синий троллейбус? безумный трамвай?
Я тебя заклинаю: живи, оживай!

Памяти А.Ханьжова

*У меня есть яблоня любимая в саду.
Каждый год я в передачах яблок жду.
Как обычно, не привозит их никто.
Забывают всегодишно, но зато
каждой осенью в чахоточном бреду
я по саду урожайному бреду.
То ли с неба дождик, то ли слизь...
Яблоня любимая, дождись!*

А .Ханьжов

Она тебя не дождалась...
Плоды протягивает: "Встань же!"
О, я бы накормила всласть,
когда б стихи прочла те раньше.

Прими хотя бы этот стих
взамен румяных сочных яблок,
чтоб там, где ты навеки стих,
душа твоя не очень зябла.

В петле запутавшихся троп
мы все – судьбы марионетки.
Как тяжкий ком земли о гроб –
стук яблок, падающих с ветки.

Моему дню рожденья

*В марте месяце родиться –
Господи, внимли хвале! –
Это значит, быть как птица
на земле.*

М.Цветаева

Один из первых дней весны,
а в точности – седьмой,
день пробужденья сил земных
и день рожденья мой!

Ты, помнивший мой первый крик
с младенческих желёз,
источник бед моих, коррид,
побед и горьких слёз,

ты так же светел и лучист,
как в прежние года,
всё так же свеж, румян, речист,
а я уже не та.

И с каждым годом всё трудней
соотнести баланс,
и всё смешнее и страшней
наш долгий мезальянс.

О, не гони своих коней,
единственный из сонма дней,
и дай ещё мне шанс!

Иронические стихи

* * *

Проспект с названием нелепым
"Пятидесятилетия Ок-
тября", где не единым хлебом
живу я, женщина-совок.

* * *

Я голошу и гоношусь,
и голосую гласно,
но никогда не соглашусь –
с чем буду несогласна.

Я гласная, а не согласная.
И этим кой-кому опасная.

Я в голос буду голосить,
голосовать руками,
но не могу я выносить
согласья с дураками.

Я гласная, а не согласная.
И потому такая классная.

* * *

Средь скопища идей
ты извлеки одну:
есть вечер-чародей,
рисующий луну.

Средь сонмища вещей,
где ты никто, ничей –
всегда найдётся щель
для солнечных лучей.

Средь множества людей
всегда найдётся тот,
кто будет не злодей
а просто идиот.

Ода лоху

Среди человеческого чертополоха
всегда отличишь лопуха или лоха.

На лбу у них крупно написано: "лохи".
(А следом идут дураки и дороги).

На радость эпохам родные мессии
советского лоха взрастили в России.

Наивен и прост, он не видит подвоха
и часто впросак попадает, заохав.

(И я не боюсь показаться лохушкой,
попав в хитроумную чью-то ловушку).

Не требуя многого, радуясь крохам,
питаюсь порой чечевицей с горохом,

он мир удивляет сознанием совковым
и чем-то нам люб вот таким, бестолковым.

Про лоха, прошу вас, не думайте плохо.
Он всё-таки лучше, чем хам и пройдоха.

За чистую всё принимая монету,
но их не имея, он близок поэту.

* * *

И в сердце вдруг кольнуло, как ножом, —
вгляделась в силуэт мертвецкий, скотский:
а вдруг это какой-нибудь Ханьжов?
Второй Рубцов? Иль Рыжий, иль Высоцкий?

Вот так когда-то Веничка бухал,
Есенин становился вдруг нестойкий,
Григорьев Аполлон не просыхал,
и Блок был пригвождён к трактирной стойке.

Участливо склоняюсь и светло,
ища в чертах преображенья чудо...
Но не чело мне кажется, а мурло
незнаемый с поэзией пьянчуга.

Литературная разминка
с перерывами на обед

Ну-ка ты, забубень хореем.

Б. Рыжий

Восклицательные знаки тополей.
Вопросительные знаки фонарей.
Я иду по многоточию аллея...
В результате получается хорей.

(Пардон, не хорей, а, конечно, анапест.
Звонок у дверей. Обрывается запись).

Вот иду я по аллее
в озаренье фонарей...
(А теперь вот в самом деле
получается хорей).

К ночи холодело. Голубели дали...

(Тут меня от дела снова оторвали).
В вечернем густеющем мраке
светились цветы фонарей...
(А это уже амфибрахий
сменил предыдущий хорей).

Однако и тут я
прошу извинить —
на пару минуток,
лишь чаю попить.

Что у нас в будущем акте?
Дальше сгущается мрак...
(Это, конечно же, дактиль.
Это поймёт и дурак).

Мне, право, очень неудобно,
но на плите кипит обед
(А это ямб четырёхстопный,
что Ходасевичем воспет).

Вот вкратце памятка поэтам —
размеры путать не пристало.
А я прервусь пока на этом.
(И надоело, и устала).

* * *

Лелею искомые строчки,
как будто приبلудных котят.
Такие ж они одиночки,
и так же вниманья хотят.

Детёнышей ласково кличу,
даю им еду и питьё,
и всё, что они намурлычат,
шутя выдаю за своё.

Но вот уж какую неделю
меня эта мысль бередит:
котят ли лелею на деле
иль грею змею на груди?

И эта змея, как Олега,
ужалит однажды до слёз.
Поэзия — это не нега,
а полная гибель всерьёз.

* * *

Пусть кто-то будет резок крайне,
пусть кто-то борется и спорит,
а я – за гранью, я – за гранью
добра и зла, любви и горя.

Пусть кто-то там слюною брызжет,
кричит и кроет что есть мочи, –
я буду выше этой крыши
и тише украинской ночи.

Меня не соблазните дрянью.
Дразните – буду словно пень я.
Ведь я – за гранью, я – за гранью...
Не выводите из терпенья.

Как поэт вступал в Союз

*Жил на свете рыцарь бедный...
А.С.Пушкин*

*У попа была собака...
Народная сказка-песня*

Не из ранних, а из поздних
был служитель муз.
И мечтал он не о звёздах,
а вступить в Союз.

Это был не рыцарь бедный,
в жизни знал искус.
Не о трубах грезил медных,
а вступить в Союз.

И нашёл товарищ ходкий –
(не дурак, не трус!) –
он поставил ящик водки
и – вступил в Союз!

Но об этом написал,
написал не без запала,
и за это он попал
у писателей в опалу.

Били, кляли и распяли

на столбцах газет.
И писательский отняли
и него билет.

Он об этом написал –
всё равно уж всё пропало!
И опять-таки попал
у писателей в опалу.

И так дальше, на манер
«у попа была собака».
Не берите же пример
с сего рыцаря! Он бяка.

И вернуть его в Союз
никакой не в силах откуп.
Не связать уж прежних уз!
(Разве за багажник водки).

* * *

Лишь два слова о том, как одна патриотка,
для которой не звание это – работка,
вдохновенно в газете меня костерила,
применяя привычное это мерило.
Русофобка, охальница, мол, нигилистка!
Не поставят читатели ей обелиска
за геройское рвенье защиты России,
то бишь горе-поэта, вождя и мессии.
Ничего не отвечу я этой газетке,
лизоблюдке усердной её, профурсетке,
и редактору с именем гордым Огрызок
не скажу, как убог его автор и низок,
оттого, что давно уже этой газете
и подобным "творениям" место в клозете.

Эпиграмма-загадка

Кто, сам собой любуясь нежно,
читит Родину в себе?
Полупоэт, полуневежда
и получлен СП.

* * *

Вино превратится в уксус,

а поцелуй в укус,
когда испускает русскость
антисемит и скунс.

* * *

На сотни тысяч вёрст –
о где их только нету –
разбросан бисер звёзд
пред свиньями планеты.

* * *

Чем, какую уловкой
нам выжить совместно –
чечевичной похлёбкой
или манной небесной?

* * *

По-кащеевски хранить
жизни золотую нить.

* * *

Туманен судьбы негатив.
И страшно его проявление:
а вдруг там сплошной негатив?
Уж лучше незнания томление.

* * *

О, не дразните гусей и быков!
Спящих собак не будите!
Не вызывайте зависть богов!
Бдите.

Помните, как у Блока?
"Будьте тише воды..."
Поэт, забейся в свою берлогу!
Недалеко до беды.

* * *

В реанимации, в рай не доехав,
очнувшись, спросила: «Пойман бен Ладен?»
Так вот и надо жить, кроме смеха.
Полною грудью дышать на ладан.

* * *

"Балерина на сцене" Эдгара Дега.

Эфемерна, возвышенна, полунага.
Как им схвачена вмиг характерная поза,
как изящно изогнута эта нога!

* * *

Перед зеркалом красуюсь,
от тебя я слышу: "Рубенс!"

Огорчилась: неужель?
А мне мнилось – Рафаэль!

Вот истаю, словно воск, –
будет Брейгель или Босх!

* * *

Жизни нет от полноты.
Нечего надеть.
Мне для счастья полноты
надо похудеть.

Ненавижу полноту
и всё то, что с ней
как-то связано в быту
человеко-дней.

Полной грудью не дышу
(может лопнуть шов),
полной рифмой не спешу
украшать стишок.

Полноводная река
мне и та тошна,
и пошлее колобка
полная луна.

Надо, надо, – говорю, –
зверски голодать.
И готовностью горю
пол себя отдать

в жертву будущей себе,
стройной, как газель...
Голод с совестью в борьбе
спорят и досель.

* * *

Доля умудрённых жизнью женщин –
ради пира полюбить чуму,
и мужчин, как братьев наших меньших,
по душе встречать, не по уму.

* * *

В моей жизни – жирным курсивом
всё, что связано с той зимой.
Слава богу, что некрасивый –
тем вернее ты будешь мой.

Пусть кривой, глухой, хромой –
лишь бы мой!

* * *

Моешь, драишь, чистишь –
ужас моих утр.
Это вам почище всяких
кама-сутр!

* * *

Жизнь не отоваришь –
хлопоты бесплодные.
Варишь, варишь, варишь...
Глядь – опять голодные.

Только с плеч гора лишь –
вновь в быту погрязла я.
Моешь и стираешь,
смотришь – снова грязное.

А порой отступишь
от постылых правил сих –
любишь, любишь, любишь...
И опять понравился!

* * *

Ваше востромордие,
госпожа собака!
Для кого-то – орды вас,
для меня – одна ты.

Глазки словно вишенки,
хвостик-молотилка.

Ох ты, моё лишенько,
грязная подстилка.

Как бы ты ни гадила,
что б ни натворила,
дня нет, чтобы я тебя
не боготворила.

Ваше хитромордие,
маленькая скверность.
Ты достойна ордена
за любовь и верность.

Пусть отродье сучье ты,
бестия-вострушка,
для меня ты, в сущности,
лучшая подружка.

* * *

Телефон звонит в передней.
Я задерживаю шаг.
Почему-то медлю, медлю
трубку тронуть за рычаг.

И гадаю: чей же голос
прозвучит сейчас в тиши,
утоляя вечный голод
пира жаждущей души?

Кто хранит в уме неброский
телефонный номер мой?
Кто так одинок сиротски,
что звонит ко мне домой?

Чьё так искренно участие
и нужна я так кому,
что звонок уж четверть часа
надрывается в дому?

Я спешу на роскошь пира,
в мыслях радуюсь: виват!
– Это сауна? Квартира?!
Обознался. Виноват.

* * *

И некому послушать,
и не с кем говорить...
Кому скормить бы душу?
Кому себя сравить?

"Согреть другому ужин"...
А после ждать ножа?
Чужому ужин нужен,
а вовсе не душа.

Убережась от блажи,
сбежит в свои края.
"На кой мне чёрт, – он скажет, –
нужна душа твоя?"

И кличешь, как кликуша,
того, кто скажет: "пить"...
Кому скормить бы душу?
Кому себя сравить?

Любовь – одно большое ухо,
чтоб всё поймать и понимать.
Не зреньё – обостреньё слуха,
так, как ребёнка слышит мать.

Зачем же уши вам такие? –
как в сказке, спросит визави.
– Чтоб вас услышать, дорогие.
О, уши длинные любви!

* * *

Питай надежду и пытай
неподдающееся счастье.
Скажи: ну пусть не всё отдай,
но поделись хотя бы частью!

И, может быть, совесть проснётся,
и счастье тебе улыбнётся.

* * *

Кончался дождик. Шёл на убыль,
последним жертвуя грошом.
И пели трубы, словно губы,
о чём-то свежем и большом.

Уже в предчувствии разлуки
с землёй, висел на волоске
и ввысь тянул худые руки.
Он с небом был накоротке.

О чём-то он бурчал, пророчил,
твердил о том, что одинок...
Но память дождика короче
предлинных рук его и ног.

Наутро он уже не помнит,
с кого в саду листву срывал,
как он ломился в двери комнат,
и что он окнам заливал.

* * *

Слепая ночь глядит на нас в упор.
Бельмо луны ей застилает взор.
Глазницу неба выклевала ночь
и ничему уже нельзя помочь.

Но сквозь напасти –
только посмотри –
в небесной пасти –
язычок зари.

И он залижет лунное бельмо.
И всё пройдёт, пройдёт себе само.
Пусть ночь мудрит, а утру всё ж видней.
Оно и вправду ночи мудреней.

* * *

Как близоруко призрачное счастье,
оно мерцает всюду и нигде,
даря свой облик издали, отчасти.
Его глаза туманные лучатся,
как солнечные блики на воде.

Оно – пятно расплывчатое света...
Но стоит лишь тебе надеть очки,
и ты воскликнешь: "Боже, что же это?!"
Где лунный лик, приснившийся поэту?
Какие-то болячки и клочки

волос... Из серебристого тумана
возникнет морда, шея с кадыком,

пиджак потёртый с порванным карманом.
Лицо мечты без грима, без обмана.
И это – то, к чему ты был влеком?!

Все заусенцы, ссадины, дефекты,
все желваки земного бытия...
Хотите, чтобы жизнь была конфеткой –
загадочной, манящей и эффектной?
Очки снимите. Сделайте, как я.

* * *

Мелькают лица: тётки, дяди...
Мы все единая семья.
Махнутья жизнями, не глядя, –
какая разница, друзья?

Покуда не свалюсь со стула,
сизу и знай себе пишу.
На жизнь давно рукой махнула.
Кому-то дальнему машу.